

УДК 316.32:316.752/754:316.4

© К. И. Ярулин, 2010

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ И АНТИИНСТИТУТОВ

Ярулин К. И. – асп. кафедры «Социология, политология и регионоведение», тел.: (4212) 22-43-95. e-mail: iarulin@mail.ru (ТОГУ)

Социальный институт характеризуется наличием регулярных и долговременных социальных практик, поддерживаемых с помощью социальных норм, имеющих важное значение в структуре общества. В современном обществе наблюдается процесс деинституционализации и появления антиинститутов. Этот процесс сопровождается подменой общих правил игры личными взаимоотношениями, массовым неисполнением законов, недоверием к любой власти, кроме самой высшей, широким распространением теневой экономики.

The social institute is characterized by presence of regular and long-term social practices. These practices are supported by social norms which are important for the structure of society. In contemporary society the process of deinstitutionalization and the appearance of anti-institutions may be observed. This process is accompanied by substitution of general rules by personal relationships, mass failure of observe the laws, no-confidence to any authority except the highest one and prevalence of shadow economy.

Ключевые слова: социальный институт, институционализация/деинституционализация, легализация, антиинституты .

Конституирование социального пространства российского общества предполагает институционализацию новых экономических, политических и социокультурных координат. При этом институциональная структура социального пространства в такой многомерной системе координат играет особую роль, если под институциональной структурой понимать институциональную среду с выраженной структурой взаимодействия. Характер структурообразования, естественно, влияет на модель взаимодействия, форму представительства и реализацию интересов в социальном пространстве.

Все это ставит вопрос об изменениях в самих социальных институтах под воздействием различных факторов. Эти изменения могут происходить на институциональном, организационном и индивидуальном уровнях. Речь идет о том, чтобы выяснить:

– во-первых, каков механизм развития, отбора и смены различных социальных институтов;

– во-вторых, каким образом выбирать те или иные организационные формы в зависимости от характера существующей институциональной среды;

– в-третьих, каковы особенности поведения социальных акторов в рамках различных организаций.

Правомерен вопрос: люди создают общество или общество формирует людей? Индивиды конструируют институты или институты определяют характеристики индивидов?

Как справедливо отмечают известные украинские социологи Е. Головаха и Н. Панина, «институционализацию следует определять как процесс становления новых социальных институтов в трех аспектах:

– процесс становления и принятия обществом новых социальных правил (законов, нормативных структур, традиций и ритуалов);

– создание организационных структур, ответственных за артикуляцию и порядок соблюдения данных правил и составляющих социальную инфраструктуру институционализированного поведения;

– формирование отношения массовых субъектов к социальным правилам и организационным структурам, отражающего согласие людей с данным институциональным порядком» [1].

Основным объектом исследований в социологии выступает социальное поведение и сфера непосредственных социальных взаимодействий, охватывающее межличностные отношения, процессы социальной коммуникации, повседневную деятельность человека, его социальный статус и т. д.

Как отмечает Нил Флигстайн, теории социологического институционализма исходят из пластичности институтов и носят социально-конструктивистский характер, т. е. институты в рамках этого направления предстают и исследуются как результат взаимодействия социальных субъектов, или акторов [2].

В вышедшей в 1966 г. книге «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» П. Бергер и Т. Лукман рассматривают институт прежде всего как «взаимную типизацию опривыченных действий деятелями разного рода» [3].

Опривычивание предусматривает стабильную основу протекания человеческой деятельности в течение большей части времени и создает основу процессам институционализации. Объективность мира институтов Бергер и Лукман понимают как сконструированную, созданную человеком объективность, происходящую в определенных материальных условиях. Разработанное ими понятие хабиитуализации легло в основу широкой традиции институциональных исследований в западной социологии, направленных на выявление реальных практик. Такой подход реализуется и в ряде исследований российских ученых, например, в работах В. В. Радаева [4] и В. Волкова [5]. Социальные практики есть формы функционирования социальных институтов. Т. И. Заславская пишет: «Социальные практики представляют собой конкретные формы функционирования общественных институтов, общей же формой реализации каждого института служит... совокупность соответст-

вующих социальных практик. Институты, как всякая сущность, глубже и устойчивее форм своей реализации, поэтому практики могут меняться, не затрагивая их сущности. Напротив, преобразование институтов неизбежно сопровождается изменением практик, причем последнее служит самым надежным критерием подлинных институциональных сдвигов» [6]. По мнению М. А. Шабановой, «социальные институты соотносятся с социальными практиками как содержание с формой или сущность с явлением. Институты, как всякие сущности, глубже и устойчивее своих форм. Практика, как форма, более конкретна» [7].

В трудах лауреата Дугласа Норта также развивается подход к исследованию институтов, прежде всего, как «разработанных людьми ограничений, структурирующих человеческие взаимодействия» [8]. Норт обращает внимание преимущественно на субъектную сторону институтов, на возможности их конструирования и целенаправленного формирования.

В то же самое время Э. Гидденс отмечает, что «макроструктурные свойства социальных систем воплощены в самых случайных и мимолетных локальных интеракциях», и, наоборот, «многие характерные особенности обыденных социальных действий теснейшим образом связаны с длительнейшими и масштабными процессами воспроизводства социальных институтов» [9]. Карл Маркс в этой связи отмечал: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» [10]. Основа человеческой истории определена теми условиями, в которых люди находятся, общественной формой, существовавшей до них, созданной не этими людьми, а которая является созданием прежних поколений.

Следует отметить, что институты как «правила игры» не диктуют каждый шаг субъекта, действующего в рамках института. Они предоставляют ему определенное пространство поведения, зачастую – весьма обширное, ограничивая только пределы допустимого. Возможные действия социального актора в рамках этого пространства можно было бы описать совокупностью многомерных траекторий в некоем пространстве возможностей. В институциональной среде как совокупности норм, определяющих типы поведения и формы взаимодействия основных субъектов, ключевой проблемой является становление инфраструктуры гражданского общества. Это предполагает появление новых субъектов взаимодействия, их легитимацию и социализацию, институционализацию новых полей взаимодействия. Институциональную среду характеризует формирование интересов субъектов, которые объединяются в группы и, становясь участниками социальных изменений, испытывают на себе изменения в социокультурном пространстве и сами влияют на эти изменения.

Неформальные институты включают обычаи, традиции и кодексы поведения. Формальные институты возникают обычно на базе уже установившихся в обществе социальных практик путем их юридического оформления. В этом случае формальные институты соответственно служат для устранения

споров по содержанию и истолкованию неписаных законов, снижая издержки пользования институтами. Но формальные институты часто служат и для целенаправленного изменения институтов неформальных. В этом случае новые институты конструируются правителями, политиками, представителями народа на основе рационального процесса [11].

Применение формальных институтов для изменения (чаще всего, модернизации) неформальных широко известно в истории и имеет множество вариантов. Это, во-первых, принятие новых законов, которые призваны исключить социальные нормы, признанные устаревшими. Во-вторых, это принятие законов, содействующих распространению новых правил поведения, признанных обществом полезными. История знает множество вариантов введения новых формальных институтов, различающихся своей массивностью, количеством новых законов, принимаемых за единицу времени. Это может быть как постепенный процесс, когда законы принимаются по одному, обсуждаясь и усваиваясь обществом медленно, так и относительно скоротечный, когда законы принимаются в большом количестве, обычно оформляя и закрепляя политическую победу неких социальных слоев. Наконец, существуют примеры массивного импорта институтов, который можно назвать «институциональной революцией», когда в исторически короткий период времени заменяется большая часть формальной институциональной матрицы данного общества. В России в 1990-е годы происходил именно массивный импорт институтов. При этом в отличие от варианта законодательного оформления сложившихся неформальных институтов, описанного Нортон, на укоренившиеся социальные практики, методы ведения дел, нормы поведения накладываются чуждые системы законов, к тому же искаженные при их переносе из законодательств других стран и не согласованные друг с другом. Попытка перехода к новым институтам сопровождается периодом нестабильности, характеризующимся институциональным кризисом, суть которого заключается в том, что старые институты уже не работают, а новые еще не работают.

Наряду с процессами институционализации в обществе происходит и процесс деинституционализации, понимаемый как «процесс разрушения институциональных образований, изменения социальных правил и явно выраженное (скрытое, латентное) неприятие институциональных требований к социальному поведению [12]. Одновременно идет процесс создания «антиинститутов» (взятки, коррупция, фирмы-однодневки, финансовые пирамиды, недобросовестная реклама и т. д.) как естественной приспособительной реакции, имеющей органическое строение социальной системы на появление в ней чужеродного элемента.

Общим для всех видов формализации (легализации) антиинститутов или их частей является то, что они официально оформляют виды поведения (приемы игры), направленные на обход действующих институтов. Все это сопровождается подменой общих правил игры личными взаимоотношениями, массовым неисполнением законов, недоверием к любой власти, кроме самой высшей, широким распространением теневой экономики.

Образование антиинститутов, хотя они и позволяют обществу пережить период перемен, нельзя считать положительным явлением. Но и уничтожить их «декретом» в мгновение ока тоже невозможно. Напротив, зачастую попытки заставить выполнять какой-то закон приводят к распространению типов поведения, еще более вредных для общества [13].

В отличие от эволюционного развития общества, когда новые структуры постепенно вытесняют старые или заполняют образовавшиеся лакуны в развивающемся социуме, на постсоветском пространстве процесс институционализации произошел в крайне сжатые сроки – как мгновенная социальная реакция. Отсюда, наверное, и длительное время, отпущенное на институционализацию до сих пор нелегитимизированных социальных практик.

Институциональная трансформация российского общества – в развитии аномии на уровне трансформирующейся социетальной макросреды при сохранении немодернизируемых элементов в микросреде повседневных практик и, тем самым, в разрушении единства социальной ткани. Деинституционализация старых норм и институционализация иллегальных правил игры в неформальный социальный порядок приводят к формированию специфического типа социальной среды с высокой степенью неопределенности и риска, способной к расширенному воспроизводству рисков, при отсутствии эффективных институциональных механизмов обеспечения социальной безопасности. Предполагаемая модернизация российского общества заключается в разрушении сложившихся неэффективных массовых институциональных практик и радикальной трансформации моделей поведения заинтересованных в этом субъектов социального действия. Однако для реализации этой модели поведения необходима дополнительная институциональная поддержка государства. Это требует как институциональной модернизации сложившихся структур общества, так и радикального изменения стратегии его реформирования на основе перехода от импорта институтов к их государственному проектированию и «выращиванию» на почве инвариантной составляющей национальной институциональной структуры. Наряду с этим необходимо создание механизмов предотвращения самовоспроизводства, даже в рамках ужесточающихся санкций, коррупции и других форм оппортунистического поведения чиновников как массовых институциональных практик.

Особую значимость при анализе процессов институционализации/деинституционализации приобретает проблема формирования доверия и социального капитала. Институционализация социального капитала как процесс формирования стабильной институциональной структуры общества представляет собой закрепление неформальных и формальных правил и норм в устойчивых формах институтов и организаций, которые могут принимать как легальную, так и нелегальную, теневую форму. Доверие как социальный феномен превращает объединение социальных акторов в институционализированное сообщество, ибо доверие есть такая разновидность социального капитала, которая обретается и используется только группой в целом, что создает возможность существования в среде ее членов генерализованного обмена [14]. Первостепенную важность для модернизации современного россий-

ского общества приобретает не изменение институтов самих по себе, а изменение социального и экономического поведения членов общества. Главная же задача – становление институтов гражданского общества, способных обеспечивать взаимосвязь интересов членов общества, различных социальных групп, государства. В противном случае существенное ослабление институциональной системы социума ведет к ее коллапсу.

Библиографические ссылки

1. Головаха Е., Панина Н. Постсоветская деинституционализация и становление новых социальных институтов в украинском обществе // Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. № 4.
2. Флигстайн Н. Поля, власть и социальный талант: Критический анализ теории нового институционализма // Летняя школа «Постсоветское общество: новые методы исследования и модели интерпретации». М., 1999.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.
4. Радаев В. В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М., 1998.
5. Волков В. В. О концепции социальных практик в современных науках // Социологические чтения. Вып. 2. М., 1997; Волков В. В. О концепции практик в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6.
6. Заславская Т. И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т. И. Заславской. М., 2001.
7. Шабанова М. А. О некоторых преимуществах интеграции экономического и социологического анализа институциональных изменений. URL: http://ecsoc.msses.ru/data/868/587/1234/ecsoc_t7_n4.pdf
8. North D.C. Epilogue: economic performance through time // Alston J., Eggertsson T., North D.C. (eds): Empirical studies in institutional change. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
9. Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. Вып. 1.
10. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. М., 1959.
11. Панов П. В. Трансформации политических институтов в России: Кросстемпоральный сравнительный анализ // Полис. 2002. № 6.
12. Головаха Е., Панина Н. Постсоветская деинституционализация и становление новых социальных институтов в украинском обществе // Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. № 4.
13. Сухарев М. В. Социальные антиинституты. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/636/588/1234/ecsoc_t5_n5.pdf#page=63
14. Галуллин Д. Л. Социальное доверие и социальный капитал в региональной политике развития // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2009. № 2(13).